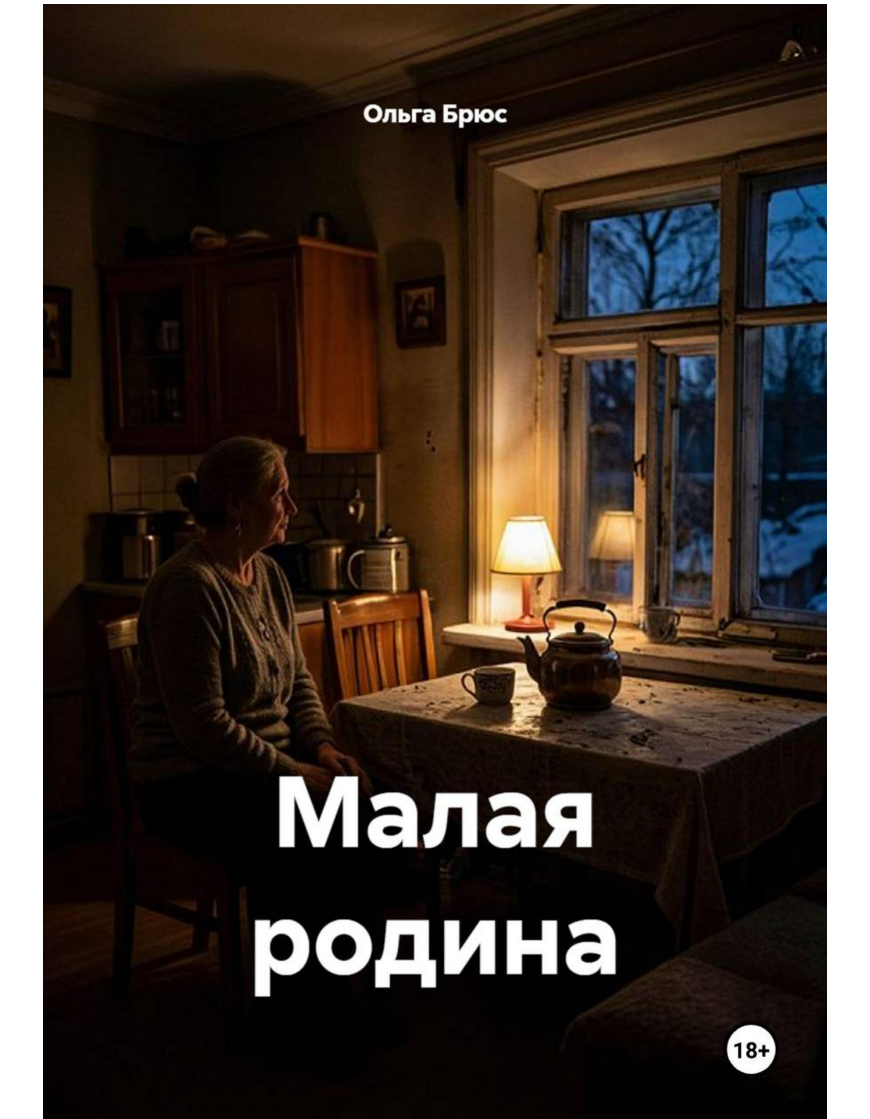

A woman with her hair in a bun sits at a wooden table in a dimly lit room. She is looking out a large window at night. On the table is a teapot and a cup. A lamp is lit on the windowsill. The room has wooden cabinets and a tiled backsplash.

Ольга Брюс

Малая родина

18+

Ольга Брюс

Малая родина

<https://litres.ru/74503359>

SelfPub; 2026

Аннотация

Спустя сорок лет Тамара вернулась, но дом уже почти разрушился. Крыша рухнула, окна чернели пустотой, и в груди у неё всё сжалось от горькой мысли: не успела проститься с родителями

Соседка увидела её и поманила за собой. В её доме было тепло и тихо, и эта обыденность – чайник, чашки, мягкий свет лампы – оказалась сильнее любых уговоров. Тамара наконец заговорила. Она рассказала, где пропадала все эти годы, как оставила сына и как её затянуло в жуткую историю в чужом краю – историю, которую она пыталась забыть...

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Ольга Брюс

Малая родина

Глава 1

Старый автобус вёз Тамару Михайловну куда-то в глушь, по направлению к маленькому, почти исчезнувшему посёлку. Его не найти ни на одной современной карте, словно он существовал лишь в воспоминаниях тех, кто когда-то считал его домом.

Тамара Михайловна смотрела на мелькающие за окном пейзажи, пытаясь угадать знакомые очертания. Она ехала туда, где прошло её детство, молодость, и где она не была уже почти четыре десятка лет.

Автобус, наконец, свернул с последнего кусочка асфальта. Дальше начиналась грунтовая дорога – широкая, ухабистая колея, усыпанная мелкими камешками. Мимо проносились остовы заброшенных зданий, когда-то принадлежавших совхозу, который в советские годы гремел в округе своим животноводством. Теперь это были лишь скелеты былых амбаров и коровников, заросшие по самую крышу бурьяном. Никому не нужные, забытые площади.

Наконец, автобус затормозил у обшарпанной остановки, на которой едва читалась выцветшая надпись «Крайний».

Дверь со скрипом открылась. До посёлка ещё пара километров, но Тамара Михайловна была готова к этому.

Автобус, высадив её, не развернулся, а поехал дальше, скрываясь за поворотом.

Тамара Михайловна вдохнула свежий осенний воздух и пошла по дороге, которая вела в её родную деревню. Странное чувство охватило её – дух захватывало, но скорее не от светлой ностальгии, а от щемящей тоски. Она помнила это всё живым, ярким, полным голосов и запахов, а теперь всё было каким-то унылым, серым. Поля, которые раньше были ухожены, сейчас заросли полынью и чертополохом. Дома, стоявшие плотной вереницей, теперь зияли пустыми глазницами окон, а те, что ещё были живы, казались уставшими, покосившимися, словно вот-вот рухнут под тяжестью времени.

– Привет, школа. Родная школа! – пробормотала Тамара, проходя мимо того места, где когда-то, казалось, совсем недавно, она закончила десять классов средней школы. Школа была заброшенной. Окна выбиты, здание полуразрушено, крыша провалилась, обнажая прогнившие стропила. И везде этот бурьян – неумолимый бурьян, оплетающий стены, пробивавшийся сквозь трещины в фундаменте. Тамара смотрела, и на глаза её наворачивались слёзы.

В памяти всплывали мгновения, такие яркие, словно это было вчера. Она, ещё совсем молодая, нелепая школьница в белоснежном фартуке поверх новенького коричневого пла-

тъя, идёт по гулким коридорам этой школы. Вот она, размахивая портфелем, спускается по скрипучим ступенькам деревянной лестницы и бежит со всех ног домой, чтобы скорее переодеться и убежать во двор. Там уже ждала соседская детвора. Классики, казаки-разбойники, прятки – во что только они не играли! До синяков на коленках, до хрипоты в голосе, до последнего луча заходящего солнца. А потом, когда мать начинала звать домой, они бежали наперегонки, с ужасом понимая, что не успели сделать уроки. И тут же слышала ворчание матери, что по хозяйству совсем не помогает – огород не полит, кроликам травы не нарвала. Так можно было и ремня отхватить! Отцу было достаточно лишь взглянуть – и всё, детские шалости отходили на второй план. Но даже тогда, в моменты лёгкого страха или недовольства, обиды на родителей не было. Только светлая тоска по тому времени, по тем ощущениям.

Уехала Тамара от родителей, когда пришло время поступать в институт. Мечтала о другой жизни, о большом городе. А потом вышла замуж, и муж увез её почти за четыре тысячи километров от родного края. Новая жизнь, новые заботы, работа, дети... И незаметно пролетели четыре десятка лет.

Постояв у школьных руин, Тамара пошла дальше. Вот и дошла до места, где когда-то стоял родительский дом. В деревне сейчас так было повсюду: один дом ещё цеплялся за жизнь, а двух соседних уже не было. Люди уезжали, и дома просто бросали, оставляя их на произвол судьбы, и они мед-

ленно, с достоинством умирали, оседая и рассыпаясь в пыль. А кто-то просто уходил в мир иной, и дом так и оставался жить, правда, быстро затухал без хозяев, ветшал, кривился и потихоньку разваливался.

Так случилось и с родительским домом Тамары. Некому в нём было жить, когда родителей не стало. И теперь от дома остались только голые, серые стены, покрытые паутиной трещин, и пустые, безжизненные глазницы окон, которые смотрели на Тамару жутким, укоризненным взглядом. В этом взгляде читались все сорок лет её отсутствия, все несказанные слова, все невосполнимые утраты. Крыша давно обвалилась, и снова везде этот чёртов бурьян.

Тамара переступила через место, где когда-то была входная дверь, а теперь просто зиял проём, ведущий в темноту. Она вспомнила, что дверь у них в деревне никогда не закрывалась. Просто не закрывали и всё – не от кого было.

Здесь, внутри этих полуразрушенных стен, на Тамару нахлынули воспоминания.

Вот здесь, в этой комнате, стояла её кровать. Она сладко спала на ней, уткнувшись в мягкую подушку, а потом мама будила её в школу, ласково поглаживая по голове.

— Тамарочка, вставай, соня! Опять проспидишь! – слышался в ушах мамин нежный голос.

И она бежала на кухню. Горячая каша, пар от которой щекотал ноздри, краюшка свежеиспечённого хлеба, который родители пекли сами, наполняя дом ни с чем не сравнимым

ароматом. Тепло от печи, растопленной углём, обволакивало, создавая уют и покой. Зимой, когда на улице трещал мороз, печь была сердцем дома, его душой. Сколько раз она сидела, прислонившись к тёплой кладке, и слушала сказки отца...

...Вышла во двор. Тут тоже всё заросло сорняками по пояс – крапива, лопухи. От яблонь и вишен, когда-то ухоженных и плодоносящих, остались лишь дикие, искривленные стволы, торчащие из буйной зелени. Где-то тут был колодец, но теперь его не было видно. Только глухое шуршание ветра в зарослях.

В этот момент Тамара заметила, что на неё с улицы смотрит какая-то женщина. Она стояла у соседнего, еще живого забора, прищурившись. На вид чуть старше её самой, с морщинистым, крепким лицом, выгоревшими на солнце волосами. На ней был старенький ситцевый халат и платок на голове. Увидев, что Тамара её заметила, женщина не отвернулась, а, напротив, сделала шаг навстречу. Тамара машинально поздоровалась:

– Здравствуйте.

Женщина подошла ближе, её взгляд был пронзительным и изучающим.

– Тамара? – спросила она.

Тамара очень удивилась. Она не была здесь столько лет! Как, как она её узнала? Ведь она так изменилась, постарела.

— Я Людка, – представилась женщина, протягивая жили-

стую руку. – Людмила Петровна.

Тамара округлила глаза. Она поняла. Людка! Та самая Людка – маленькая, сопливая девчонка с улицы, моложе лет на десять, которая бегала за ними, старшими, по пятам, вечно ждала, что её возьмут поиграть. Боже мой, как же ее состарила жизнь в этом месте! Людмила Петровна выглядела так, будто прожила две жизни вместо одной, но при этом в её глазах горел тот самый озорной огонёк, который Тамара помнила с детства.

— Что ж ты стоишь, как неродная? Проходи в дом, – Людмила Петровна махнула рукой в сторону своего палисадника. – Чайку попьём. Небось, с дороги устала.

Тамара, всё ещё немного ошарашенная, пошла за ней, осмелившись задать вопрос:

— Людка... Петровна... Ты меня помнишь? И знаешь?

Та ухмыльнулась, повернувшись к ней.

— А кто ж тебя не знает, милая? Вся деревня знала, кто от родителей сбежал и забыл дорогу домой. – Она прищурилась. – Оставила родителей. Мы же их когда хоронили, о тебе только и вспоминали. Икалось тебе тогда, небось? Не икалось?

Тамара тяжело вздохнула. Икалось или нет, сейчас уже и не вспомнить. Но тяжесть на душе была немалой.

Они вошли в чистый, хоть и небогато обставленный дом Людмилы Петровны. Та усадила Тамару за стол, налила крепкого чая.

— Ну, рассказывай, – Петровна пододвинула ей блюдо с домашним печеньем. – Что случилось-то? Ты почему

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.